

древнерусской версии с двумя древне-сербскими (с. 196—197). Анализ предшествующей историографии показал, что эти вопросы остались к моменту публикации Е. К. Пиотровской в основном открытыми.

Отвечая на поставленные вопросы, автор публикации приходит к выводам, что выявленные ею 11 списков древнерусского текста не поддаются их группировке по редакциям (даже делению на младшую и старшую, предложенному Я. Н. Шаповым), что положение А. С. Павлова о существовании древнерусской версии только в составе «Книг законных» остается непоколебленным, как и заключение этого ученого о списке ГИМ, собр. Уварова, № 264, как о наиболее древнем и лучшим списке древнерусской версии, что перевод Земледельческого закона на древнерусский язык был осуществлен с греческой рукописи из 7-й, по классификации И. П. Медведева, группы (наиболее близок текст древнерусской версии, как определил еще А. С. Павлов, к греческой рукописи первой четверти XIV в. ГИМ, греч. 322), что время перевода Земледельческого закона, вероятнее всего, приходится на период с конца XI до начала XIII в. (т. е. на эпоху Киевской Руси), а его правка и поновление (с участием митрополита Киприана) — на начало XV в., что сопоставление сербской редакции с древнерусской версией в науке еще не осуществлено до конца, но свидетельствует скорее в пользу самостоятельного происхождения древнерусского перевода (см. с. 198—231).

Поскольку древнерусский текст Земледельческого закона в компиляции «Книги законные» неразрывно связан с другими юридическими текстами — главами «О князях», «О браках», «О послухах», Е. К. Пиотровская считает оправданным его издание вместе с этими дополнениями (они приведены, впрочем, в отличие от текста Земледельческого закона, без соответствующих переводов) (с. 233—256).

Комментарий к древнерусской версии весьма краток (с. 257—261) — он рассматривается лишь как дополнение к комментарию Е. Э. Липшиц. Однако и в этом кратком комментарии поставлена та же цель — проследить соответствия древнерусской версии с юридическими оригинальными памятниками Древней Руси (с Русской правдой и Пространной редакцией Закона Судного людям — автор придерживается точки зрения М. Н. Тихомирова о ее составлении на Руси из ранее переведенных на русскую почву отрывков из законодательных памятников).

В приложении (с. 262—264) приведена Ефросиновская редакция Земледельческого закона по рукописи ГИМ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9 (1026) — этот список Е. К. Пиотровская и считает такой рукописью, о которой только и можно говорить, как об особой редакции древнерусской версии Земледельческого закона (с. 241), хотя и она, как и остальные 10 списков, восходит к одному тексту, поскольку, скорее всего, существовал лишь один перевод с греческого (с. 247).

Наконец, следует упомянуть о том, что пользование новым изданием облегчают тщательно составленные указатели: основной лексики греческой версии, как и древнерусской, указатели греческих и славяно-русских рукописей, писцов и владельцев рукописей, юридических источников, как и исследователей Земледельческого закона, а также список употребляемых в издании сокращений.

Издание в целом нам представляется весьма удачным, и мы не имеем каких-либо принципиальных замечаний к его исполнителям. Остановимся поэтому лишь на некоторых частных, на наш взгляд, недостатках, помня о том, что издатели не ставили перед собой задачу интерпретации положений Земледельческого закона как исторических свидетельств об аграрно-правовых отношениях в Византии VII—VIII столетий или на Руси в XIII—XV вв. (древнерусская версия).

Справедливо подчеркивая значение глав 13 и 84, дающих неоспоримые свидетельства в пользу существования в византийской общине прав на землю (это право отрицалось и поныне отрицается многими зарубежными учеными) (с. 58), следовало бы в этом ответственном месте сформулировать свою мысль более точно: община Земледельческого закона уже не располагала правом собственности на всю землю поселения (или поселений), составляющего общину, — она обладала этим правом лишь на неподеленную между общинниками землю.

Представляется несколько неожиданной неуверенность исполнителей в транскрипции таких имен, как Кируларий (с. 38) (на с. 60 — «при ... Керуларие» — ?). См. также с. 63 — Лаканен.

В статье 7 слова $\tau\theta$ $\delta\iota\alpha\kappa\rho\alpha\tau\eta\varsigma\alpha\nu\tau\iota$ и $\delta\iota\alpha\kappa\rho\alpha\tau\eta\varsigma$ лучше было бы переводить словами соответственно «за владевшим» и «владение», а не «за державшим» (от кого?) и «держание».

Перевод статьи 8 представляет собою, в сущности, пространное и не бесспорное толкование, а не перевод в подлинном смысле слова. Речь идет, по нашему мнению, о допущенной (при разделе оставшейся до этого незанятой общиной земли) несправедливости в порядке жеребьевки и в выделении самого места владения (далеко от деревни, от других участков общинника, в менее плодородном месте и т. п.). Перевод слов $\epsilon\nu$ $\sigma\iota\alpha\rho\iota\omicron\upsilon\varsigma$ η $\epsilon\nu$ $\tau\omicron\pi\omicron\iota\varsigma$ должен быть, кажется, более нейтральным. Например: «Если произведенный раздел обидел кого-либо в жребиях или в участках...» и т. д. К стати говоря, нет в греческом тексте и слов «подлежащих распределению» (община подвергала общие места разделу лишь по мере необходимости, сохраняя общинные угодья).

Вряд ли была необходимость варьировать перевод слова $\epsilon\pi\iota\kappa\rho\rho\iota\alpha$: в статьях 9, 12, 20 — «приплод» (совершенно неудачно), в статьях 13 и 14 — «плоды», тогда как следовало бы сохранить всюду, как в статьях 1, 2, 6, — «урожай».

В статье 19 термин $\epsilon\kappa\sigma\tau\rho\alpha\rho\delta\iota\kappa\alpha$ лучше было оставить без перевода («экстраордина»), так как перевод «экстраорди-